

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время можно отметить несколько противоречивую тенденцию в отношении гендерного равенства в России. На фоне формальных действий российского правительства по улучшению положения женщин происходит зачастую реальное усиление гендерного неравенства, особенно ярко проявившегося в ситуации мирового экономического кризиса. Многие исследователи отмечают усиление гендерного дисбаланса и нарастание противоречий и напряженности в этой сфере [6, 7, 20]. Отмечая безусловные успехи женского движения в постановке проблемы гендерного равенства, нельзя не признать, что значительная роль в его обеспечении принадлежит государству и его институтам. Как справедливо пишет О. Воронина, «поскольку наше государство формально придерживается принципов гендерного равенства, оно должно более продуманно строить свою политику» [7, с. 763]. Главной стратегической задачей государственной политики в аспекте обсуждаемой проблемы, на наш взгляд, должно быть обеспечение равенства прав и равенства возможностей. В настоящее время ряд специалистов отмечают, что гендерно нейтральное законодательство (следовательно, и государственная политика, проводимая в различных сферах), не идеально для обеспечения равенства, потому что чаще всего оказывается нейтральным к «женским отличиям» и тем самым способствует сохранению существующего неравенства, а иногда и косвенной дискриминации [16, с. 38]. Идеи гендерного подхода и гендерного анализа политических стратегий и программ активно обсуждаются применительно к демографической и социальной политике, образованию и занятости. Ряд проведенных нами исследований показывает актуальность применения гендерного подхода к анализу государственной политики в сфере культуры, где гендерный подход мы понимаем как «процесс оценки любого планируемого мероприятия с точки зрения его воздействия на женщин и мужчин, в том числе законодательства, стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях [7, с. 63—64].

Относительно определения понятия «культурная политика» не существует единого мнения. М. Вебер, говоря о составе политической деятельности, подчеркивал в ней в первую очередь деятельность по сохранению порядка в стране, т. е. «существующих отношений господства» [3, с. 672]. В отечественной литературе по вопросу культурной политики такого взгляда придерживается А. С. Балакшин, указывая, что политика в области культуры предстает как «борьба за власть в сфере культуры» [2, с. 376]. В теоретическом арсенале А. Грамши и П. Бурдьё находят опору многие современные представления о том, что такое политическая борьба вообще и культурная практика как ее неотъемлемая составляющая. Так, В. С. Жидков определяет культурную политику как специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, сводящийся к воздействию на личность с целью формирования ее картины мира [10, с. 69]. Следуя за марксистским пониманием культуры, многие авторы воспринимают культурную жизнь как поле борьбы различных субъектов: групп населения (носителей различных субкультур), создателей культурных ценностей, различных общественных институтов, занятых их сохранением и распространением, и государства. Тем самым культурная политика — это борьба интересов различных субъектов культурной жизни, в которой

© Карпова Г. Г., 2009

Работа выполнена в рамках проекта «Конструирование социальных проблем: социальная история, визуальный анализ, этнография», реализованного Центром социальной политики и гендерных исследований в 2009 г. при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант 08-90577-000-GSS).

самую существенную роль играет распределение различных ресурсов: финансовых, материальных, кадровых и информационных. В соответствии с таким представлением о культурной политике наиболее сильным ее субъектом является государство, наделенное властью, располагающее наибольшими ресурсами и возможностями воздействия на культурную жизнь. Это воздействие осуществляется посредством управления наукой, искусством, религией через выработку и транслирование государственной идеологии с помощью системы образования и средств массовой коммуникации. В то же время сама культура оказывает активное воздействие на общественную и политическую жизнь, будучи фоном процессов социализации, побуждая людей регулировать свое поведение в соответствии с меняющимися нормами и ценностями. Влияние культуры на политическую жизнь происходит и через создание моделей функционирования политических инструментов, выработку и принятие политических решений. Таким образом, с одной стороны, культурная политика оформляет и легитимирует конкретный гендерный порядок и гендерную систему, с другой — оказывает непосредственное влияние на качество жизни индивида — мужчины или женщины, где качество жизни выступает интегральной характеристикой жизнедеятельности субъекта и социума в семейной, трудовой, потребительской, духовной сферах жизнедеятельности [8, с. 44].

В рамках обсуждения гендерных проблем в культурной политике можно обозначить два подхода: социокультурный и институциональный. В центре социокультурного подхода [1, 13] — эволюционная и логическая преемственность культурного контекста; исследования глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структур, задающих объективные границы для трансформации российского общества и устанавливающих социокультурные основания для отношений между полами. Данный подход широко представлен в гендерных исследованиях такими направлениями, как анализ гендерных стереотипов, репрезентаций женщины в культуре и СМИ, роли женщины в истории. Культура прежде всего продуцирует те идеи и ценности, которые транслируются на процессы, способствующие конструированию, формированию отношения к социальным проблемам, включая и проблему гендерного равенства, и их разрешению. Сфера культуры, включая СМИ, выступает как своеобразный дисплей, репрезентирующий социальные проблемы, как постоянно действующая и наиболее мощная система с широким охватом населения. Именно в данной сфере достижима самая высокая степень публичности и гласности; информация, доходя до каждого желающего, делает возможным широкое индивидуальное участие (а с появлением Интернета — еще в одной медийной среде, «не выходя из дома»).

Институциональный подход, активно развивающийся в рамках школы В. В. Радаева [17], сосредоточен на изучении экономических сфер и видов деятельности, в первую очередь к ним относятся рыночные отношения и связанный с ними комплекс прав собственности, структур управления и правил обмена на уровне макро- и микропроцессов. Исследования на микроуровне позволяют выделить и описать складывающиеся социальные практики, которые в дальнейшем институционализируются и начинают формировать новое пространство социальных ограничений, предпочтений, возможностей. Исследования на макроуровне выделяют базовые институты, задающие социентальную природу общества и формирующие рамки, пределы институциональных преобразований, осуществляемых на микроуровне, в процессе непосредственной экономической, политической и социальной деятельности. Именно в рамках институционального подхода, на наш взгляд, продуктивно обсуждение проблем, связанных с рынком труда и системой занятости, доступностью учреждений сферы культуры, распределением гендерных ролей и анализом гендерного бюджета. Перед каждым государством на определенном социально-экономическом этапе встают вопросы о выборе приоритетов развития. В последние десятилетия в иерархии таких приоритетов в России культура занимает далеко не первые места.

Культурная политика России: от публичного дискурса к практикам повседневности

Реформирование в сфере культуры является прямым следствием происходящих экономических и политических преобразований. В качестве конкретного механизма осуществления российской культурной политики на современном этапе выступает целевая программа «Культура России», которая появилась в 2001 г. и была рассчитана на 2001—2005 гг. В настоящее время действует федеральная целевая программа «Культура России (2006—2010 гг.)» [15]. Культура как сфера государственного участия традиционно субсидировалась по остаточному принципу. Проблематизация поля культурной политики возникает в лучшем случае при обсуждении в официальных документах национальной политики государства либо при необходимости совершенствования духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. К примеру, подводя итоги реализации программы «Культура России (2001—2005 гг.)», А. В. Костина и Т. М. Гудима отмечают, что она была профинансирована на 50 % от того, что планировалось в 2001 г. [12, с. 200].

В программе «Культура России» сформулированы шесть основных целей и двенадцать задач культурной политики. Встает необходимость поиска таких решений, которые позволили бы, с одной стороны, обеспечить сохранность культурных ценностей, а с другой — создать экономические механизмы, способствующие эффективному развитию культуры в новых рыночных условиях. Исходя из этого целями программы являются: сохранение культурного наследия Российской Федерации, формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп граждан, для сохранения и развития культурного потенциала нации, интеграция в мировой культурный процесс, обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям [15].

В контексте гендерного анализа культурной политики нас будут интересовать противоречия и их последствия, возникающие между декларируемой целью доступности услуг сферы культуры и достижением экономической рентабельности данных услуг. Несмотря на замалчивание проблем в сфере культуры, которые теряются в потоке проблем, связанных с экономическим кризисом, беспокойство вполне обоснованно. Культура выступает важнейшим ресурсом социальных проблем. Процессы реформирования всех областей социальной жизни и поиски современных путей решения основных социальных проблем, происходящие в нашей стране, болезненно отражаются на наименее социально защищенных категориях граждан. Очевидна прямая взаимосвязь проводимой культурной политики и социальной политики, в равной степени, так или иначе, направленных на решение определенных социальных проблем, в том числе связанных с семьей и детьми, что было и остается в центре «женского вопроса». Строительство комфорта, организация быта, уют, забота о себе — достается на долю членов семьи. Женщина остается ответственной за материнство, организацию домашнего мира, становится его менеджером [14, с. 14]. Не случайно в публичном и научном дискурсе часто упоминается определение «социокультурная политика», что, наш взгляд, показывает сращивание «социального» и «культурного» в процессе функционирования общества. С другой стороны, мы вправе говорить о проблемах, возникающих в сфере культуры, как о социальных проблемах, поскольку они, к примеру, затрагивают вопросы доступности культурных учреждений для социально уязвимых групп, социальной защищенности работников культуры, социализации на различных жизненных этапах.

Очевидно, что дифференциация в обеспечении доступа населения к ценностям культуры настолько значительна, что говорить о едином культурном пространстве и интеграции в мировой культурный процесс можно только как о желаемой перспективе. Равные возможности в приобщении к культурным ценностям отсутствуют как внутри отдельно взятого региона, где существенно различие доступа населения к культурным благам в городе и на селе, так и в рамках отдельно взятого городского пространства.

Причина — социальное неравенство, отсутствие безбарьерной среды, которое приводит к ограничению выбора способов приобщения к культурным ценностям и практикам исключения из единого культурного пространства определенных социальных групп.

Две стороны одной медали: влияние политики в сфере культуры на решение «женского вопроса»

Бюджетные расходы на социально-культурную сферу, судя по кадровому составу, на 80 % обеспечивают рабочие места и заработную плату женщин. Слабость инфраструктуры культурной сферы влечет огромные разрывы в доступе разных групп населения к ее ресурсам, а распыление средств и недофинансирование учреждений культуры вплотную связано с низким уровнем оплаты труда и неудовлетворенностью работников бюджетных учреждений сферы культуры. Либеральные реформы, затронувшие и систему распределения бюджетных средств в сфере культуры, приводят к сокращению рабочих мест, занимаемых, в основном, женщинами¹: *«Мы здесь в страхе: говорят о сокращении, непонятно, куда идти. Многие из нас одни воспитывают детей, уже устоялся быт, музей нам — как второй дом: дети под присмотром, приспособились как-то. Если вдруг сократят — я не знаю, что делать»* (Ж, 34 г.). Сегодня у учреждений культуры недостаточно возможностей и стимулов к «зарабатыванию» собственных средств, существует ряд барьеров на пути объединения ресурсов государства и частного и корпоративного секторов, направляемых на развитие культуры. Налицо такие кризисные явления, как рост невозполнимых потерь в культурном наследии; сокращение кадрового потенциала культуры, которое затрагивает, как правило, «женскую занятость»; резкое снижение уровня доходов творческих работников, их отток в другие сектора экономики и миграция за рубеж. Как следствие — снижение уровня обеспеченности населения культурными благами.

Транслируя страх потери рабочего места, наши информантки отмечают неоспоримые преимущества занятости в сфере культуры, среди которых наиболее существенными являются: *«гибкий график работы»* (как следствие — возможность получения дополнительного времени для заботы о семье и детях); наличие *«неформальных отношений»* в *«женском коллективе»*, где *«поймут»*, *«помогут»* (обретение дополнительных социальных сетей взаимопомощи, которые одна из наших собеседниц назвала *«женское братство»*). Сфера профессиональной занятости влияет на формирование практик заботы о детях, которые большую часть времени проводят по месту работы матери: *«У нас тут все — “дети полка”. Приходят из школы — мы их покормим, посадим уроки делать, потом — кружки, все здесь, на месте... Тут же они к искусству приобщаются; знаете, как дети артистов выросли на сцене, так наши — среди картин и книг; разве это хуже, чем на улице?»* (Ж, 42 г.). Таким образом, передача социального капитала происходит при условии экономии ресурсов, затрачиваемых женщиной на воспитание детей. Не последним фактором выбора профессиональной деятельности является и обретение *«особого статуса»* работника культуры, обладающего определенным образованием, *«экспертным знанием»*, чувством причастности к *«интеллектуальной и творческой элите»*.

В условиях либерализации культурной политики увеличиваются риски, связанные с занятостью в сфере культуры, от вышеуказанной угрозы увольнения до менее радикальных, но значимых последствий, таких как увеличение нагрузки на работника (в нашем контексте на работницу) ввиду сокращения финансирования и перераспределения служебных обязанностей (следовательно, в ущерб времени, затрачиваемому женщиной на заботу о детях и семье); ужесточение дисциплины в связи с развитием менеджмента в сфере культуры (как следствием построения новых форм управления в условиях

¹ Здесь и далее используются данные исследования, проведенного нами среди работников бюджетных учреждений сферы культуры Саратовской области в марте — июне 2009 г. (буквой «Ж» в скобках обозначается женщина, буквой «М» — мужчина).

рыночных отношений); низкая вертикальная мобильность (существенно влияющая на статус и заработную плату). Констатируя существующую проблему гендерного неравенства в сфере занятости, следует признать и возрастающие риски, связанные с конкуренцией женщин с мужчинами за руководящие места. Показательным для прогноза в этом плане является фрагмент интервью с мужчиной — руководителем крупного клубного объединения: *«Если честно, при всех равных условиях, на должность зама я возьму мужика. Я вас очень люблю, женщин, но когда дело касается работы... Мне надежная спина нужна, понимаете, а у женщин то дети, то мужья, то родители — одни проблемы...»* (М, 53 г.).

Начиная с определенного уровня экономического развития общества, досуг, потребление культурных ценностей, дополнительное образование, предоставляемое учреждениями сферы культуры, приобретают все большую автономию от труда и становятся самостоятельной ценностью. Воспитание духовно развитого, культурного человека — одно из приоритетных направлений в сфере родительства. Детей пытаются приучить к культурному потреблению посредством посещения музеев и театров, приобщения к памятникам истории и культуры. Исследуя стратегии потребления нового среднего класса, Б. Гладырев и Ж. Цинман отмечают основные тенденции их формирования, указывая, что для постсоветского среднего класса характерно серьезное, даже стратегическое отношение к досугу и культурному потреблению. Значительное место в структуре досуговой активности занимает потребление культурных ценностей. После недвижимости, образования и здравоохранения это четвертая по объему вложений статья его расходов [14, с. 211]. Средний класс формирует потребительские стратегии, которые носят перспективный и долгосрочный характер. В периоды радикальных социальных перемен изменяются структуры повседневности, претерпевают изменения гендерные роли, идеологии и практики. Проект нового быта, который разворачивается в современной капиталистической России, на первый взгляд, прямо противоположен коммунистическому. Он пронизан либеральными ценностями, устремлен к буржуазному быту, строительству частной сферы, комфорту и безопасности, четким мужским и женским ролям, ограждению от вмешательства государства. Родительство становится частным делом семьи, дом возвращает себе ранее утраченные функции и закрывается от внешних вмешательств, мужу предлагается функция добытчика, а женщина занимается управлением домом и семьей [14, с. 8]. Однако картина оказывается гораздо более сложной и многообразной. Сфера быта рассматривается как сфера самореализации женщины, но это и сфера борьбы старого и нового, новых конфликтов, нехватки ресурсов и навыков, недостаточности институциональной и символической поддержки, давления традиционализма. Концепция родительства ярко выражена в заботе о детях. Дети воспринимаются как нуждающиеся в заботе для выживания и успешной социализации: *«Забота включает “родительство”, которое в России часто осуществляется женщинами в рамках расширенного материнства. Родители осуществляют разные гендерные роли, материнская забота отличается от отцовской. В российском контексте сохраняется ролевая поляризация, попытки переопределения ролей и размывания гендерных культурных стереотипов имеют маргинальный характер»* [14, с. 14].

Государство и социально-экономические условия продолжают влиять на частную жизнь, формируя, например, новую демографическую, семейную, социальную, культурную политику. Происходит это в условиях слабого социального государства и жестких правил рыночной экономики. Интересно, что векторы обсуждения вопросов, связанных с ролью отцовства, социальной ответственностью, и меры включения в «заботу» о собственных детях со стороны отцов просматриваются достаточно слабо. Мы согласны с А.-М. Исола, что, как в советское время, отец здесь по-прежнему остается невидимым. Мужчины упоминаются в программах семейной политики не как отцы, а как

люди, в большей степени рискующие умереть в раннем возрасте и, таким образом, не способные улучшить демографическую ситуацию [14, с. 422].

Несмотря на то, что в программах государственной социальной политики по улучшению положения детей выражается озабоченность социальными и экономическими трудностями и их неблагоприятным влиянием на институт семьи, акцентируется внимание на семейных ценностях. На повестку дня выносятся образование родителей, культура родительства и ответственность родителей за воспитание детей. В новых экономических условиях некоторые виды культурной деятельности, целевой аудиторией которых являлись прежде всего дети, переживают сложное время: говоря языком пресловутых рыночных отношений, они перестали быть рентабельными. Е. Ярская-Смирнова, анализируя демографические проблемы в стране, утверждает, что в вопросах демографической политики российские чиновники должны предпочесть качественное осмысление количественному акценту, принятому в советское время [21]. Эта задача связана, в частности, с развитием человеческого капитала, в процессе формирования которого не последнюю роль играют учреждения сферы культуры. Государство отказалось от многих функций, выполняемых в советское время. Советский гендерный контракт — это культурный горизонт, с которым наши информанты сопоставляют свой опыт. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты и реалистическая оценка новых перспектив²: *«Любая мать хочет, чтобы ее ребенок нормально развивался и занимался творчеством, но чем дальше — тем становится сложнее. Я в детстве все посещала бесплатно. Сейчас то, что мы платим за занятия в студии, очень сильно сказывается на семейном бюджете, боюсь, придется от этого отказаться, как сказать ребенку — не знаю...»* (Ж, 34 г.). Противопоставление своего опыта и прошлого указывают на не столько на полную смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства (материнство и детство), но и на изменения значимости каждого из институтов, изменения правил игры, по которым строится гендерный контракт: *«Развитие ребенка — сейчас дело семьи, а точнее матери, я сюда вожу сына с другого конца города, здесь самая низкая оплата кружка, но вот костюмы и поездки на фестивали нам не по карману. Но для того чтобы заниматься ребенком, надо либо дома сидеть, не работать, либо бабушку просить, либо иметь возможность нанять кого-то, что для большинства из нас невозможно»* (Ж, 31 г.).

Среди актуальных проблем, связанных с деятельностью учреждений культуры и досуга, по мнению экспертов, можно отметить несоответствие содержания и форм культурно-досуговой деятельности (как в количественном, так и в качественном отношении) реальным потребностям населения, отсутствие условий выбора по месту жительства форм и содержания культурной деятельности. С другой стороны — сворачивание коммерчески невыгодных, но социально значимых видов культурной деятельности (резкое сокращение объема культурных услуг, предоставляемых населению бесплатно), недоступность большинства услуг (прежде всего связанных с художественным образованием и физическим воспитанием детей и подростков) в силу их значительного удорожания (которое коснулось как формальных платежей, так и возникновения неформальных экономических практик): *«Это только кажется, что во Дворце мы занимаемся бесплатно. Если хочешь выступать — бери платные уроки, шей костюмы, а это сейчас дорого, каждый праздник руководителю деньги собираем... Я когда детей своих в этот же Дворец водила — не было такого, не было»* (Ж, 57 л.).

Причинами сложившейся ситуации, как правило, выступают: отсутствие необходимых помещений для отдыха, развлечений, недоступность социально-культурной инфраструктуры для детей и подростков (отсутствие «своих» мест общения); нехватка технического оборудования, материалов, отсутствие ярких и интересных проектов,

² Здесь и далее используются данные исследования, проведенного нами среди родителей, потребителей услуг учреждений сферы культуры Саратовской области, в июне — сентябре 2009 г.

способных обеспечить аудиторию и привлечь дополнительные источники финансирования; низкая культурная активность населения, выраженная в слабой посещаемости учреждений культуры, досуга, снижение интереса населения к традиционным направлениям и формам работы учреждений; рост предпочтения «домашних» форм потребления культурных ценностей. Особенно негативные процессы в сфере культуры затрагивают социально незащищенные группы населения.

Шведская исследовательница Б. Хобсон [24] использует категорию «соло-матери» («одиноким матери») как аналитическую категорию для понимания гендерного измерения системы социокультурной политики. Так, согласно социальному паспорту Саратовской области, число неполных семей (включая вдовствующих, разведенных и др.) с несовершеннолетними детьми на 01.01.2008 г. составила 62 732, в них детей — 82 787 чел. Из числа неполных семей с несовершеннолетними детьми большинство составляют соло-матери, воспитывающие 30 273 детей несовершеннолетнего возраста. Отцы, воспитывающие 1306 несовершеннолетних детей без участия супруги, составляют 1 021 чел. Не будем забывать такую категорию, как многодетные семьи.

К примеру, количество многодетных семей в Саратовской области составляет 10 161, в них воспитывается 32 782 несовершеннолетних ребенка.

Положение соло-матерей в государстве синтезирует в себе все гендерно релевантные черты государственной политики. Поэтому если мать зарабатывает в каком-либо секторе экономики, то ее зарплата должна включать стоимость услуг по воспитанию и развитию ребенка в различных учреждениях, в том числе и в учреждениях сферы культуры, либо частным образом; если же она остается дома, чтобы заботиться о детях самостоятельно, то ей следует предоставить средства для полноценной жизни. Весьма продуктивной в аспекте обсуждаемой проблемы, на наш взгляд, является концепция гендерного бюджета, методология которого была разработана и предложена Л. С. Ржанициной [19]. Гендерный бюджет представляет собой совокупность различных инструментов, механизмов и институтов, объединенных общей целью — сделать гендерный подход к управлению обязательным в национальной политике. Это система выделения в государственном бюджете ее социальной составляющей, ресурсов на политику равных прав и равных возможностей по признаку пола, система, открытая для проведения общественной экспертизы, публичного обсуждения и лоббирования. Тем не менее, по мнению некоторых экспертов, наиболее инерционным является отношение специалистов к проблемам более эффективной гендерно дифференцированной поддержки населения [5, с. 191]. С точки зрения взаимоотношений государства с населением, дифференцированным по признаку пола, статьи расходов бюджета можно разделить на три категории: прямые, косвенные и влияющие. Прямые статьи предполагают учитывать пол адресата — мужчина или женщина, их положение. Например, расходы государства на оплату пособия по беременности и родам, на пособие на ребенка одиноким матерям имеют в виду только женщин, а расходы на военный призыв — мужчин. К косвенным расходам, и их большинство, относятся расходы на образование, медицину, базовые и социальные пенсии, которые платятся за счет бюджета, пособия безработным, бедным, жилищные субсидии. Эти статьи расходов из бюджета фактически больше значимы для женщин,

т. к. доля женщин среди бедных, пенсионеров значительно выше доли мужчин. В контексте обсуждаемой проблемы для нас особый интерес представляют влияющие статьи бюджета, которые формально не адресуются напрямую населению, но которые самым серьезным образом влияют на его положение, на уровень жизни, состояние социальной и культурной сферы. Это, прежде всего, расходы на управление, армию, международную деятельность, народное хозяйство, науку, культуру. По мнению Л. С. Ржанициной, для гендерного бюджета показатели должны быть построены не «плоско», а «объемно» [19]. Скажем, для работника надо учесть не только зарплату, но и

социальные выплаты, а для детей учитывать не только пособия на детей, но и расходы на государственные услуги (здравоохранение, образование, культуру).

Традиционно в России социальное положение женщин рассматривают в рамках подхода, называемого фамелизацией, т. е. через призму семейной политики и интересов семьи. Не случайно большинство департаментов, министерств и комитетов, занимающихся социальной защитой и социальным обеспечением, называются управлениями по делам семьи, женщин и детей. Реакцией на идеологию фамелизации является феминистская идеология дефамелизации, в рамках которой социальное положение женщины определяется как процесс создания таких условий, в которых они могут поддерживать свой статус и приемлемый стандарт жизни вне зависимости от наличия семьи и внутрисемейных отношений. По мнению Х. Хернес [23], дефамелизация может быть достигнута четырьмя способами: 1) признанием затрат на оказание семейных услуг как доли валового внутреннего продукта, или бюджета государства; 2) субсидированием семей с детьми; 3) развитием системы государственных сервисов по уходу и воспитанию детей; 4) обеспечением услуг по уходу за пожилыми. Х. Хернес называет государство, проводящее подобные политические решения, государством, дружественным женщинам. Эффективное участие женщин в государстве способствует формированию «гендерно справедливого» общества.

Заключение

Конструирование национальной концепции культурной политики, которая не является раз и навсегда определенной и статичной, прежде всего зависит от принятой в данном обществе политической идеологии, от господствующих представлений о природе культурных процессов, об их влиянии на развитие общества, о приоритетности решения проблем культуры для государства, о взаимных обязательствах государства и субъектов, творящих культуру, общества в целом. А поскольку культурная политика не разворачивается в изоляции от других сфер публичной политики, важен контекстуальный подход к исследованию, учитывающий политическую, культурную и интеллектуальную историю страны [22]. Сегодня уже очевидно, что, с одной стороны, старые подходы к управлению в сфере культуры входят в противоречие с управленческим стилем, который был сформирован во времена социализма, с другой стороны, тесная связь культуры и идеологии была и остается отличительной чертой государственной политики. В начале нового тысячелетия в сфере российской культуры формируется совершенно иная расстановка сил с точки зрения соотношения традиционного и новаторского, а также государственного и негосударственного секторов.

Попытки решения социокультурных проблем в современной России разнородны: их по-разному предпринимают регионы, всевозможные группы интересов, организации. В таких условиях решающая роль принадлежит государственной культурной политике, однако здесь важны принципы межсекторного взаимодействия и социального партнерства. Именно поэтому сегодня России нужна рациональная и последовательная культурная (даже социокультурная) политика, в которой неизбежно сочетание разумной охранительной ориентации (поддержание эффективных наличных культурных форм и институтов) и ориентации инновационной (распространение необходимых для страны модернизационных образцов) [2, 4, 10, 11, 18]. Становится насущной необходимостью освоение современного менеджмента в сфере культуры и институциональная модернизация государственных организаций, которая позволила бы решать проблемы культуры в едином комплексе, опираясь на механизмы взаимодействия коммерческой и некоммерческой, государственной и негосударственной составляющих сферы культуры с учетом этнического, демографического, гендерного факторов. В связи с этим интегративная методология при разработке новой культурной политики, отражающая одновременно глобальные тенденции, получает наибольшее число шансов быть востребованной в сегодняшней России. Как справедливо отмечает О. Воронина,

«равенство — это идеал, к которому общество должно стремиться, но при этом иметь в виду, что современные гуманистические ценности ориентированы на принятие разнообразия индивидов» [7, с. 766]. Создать социокультурную политику, которая бы сделала достижимым полное равенство людей и при этом учла бы всё их разнообразие, просто невозможно. Неизбежно чьи-то права будут нарушены (как, например, при политике квот или других формах позитивной дискриминации). Поэтому политика должна быть гибкой и изменчивой и видеть свою цель не в создании идеальной модели, а постоянном учете гендерного фактора.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. Т. 1 : От прошлого к будущему. 804 с.
2. Балакшин А. С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2004. № 1. С. 374—379.
3. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 880 с.
4. Востряков Л. Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. СПб. : СЗАГС, 2005. 342 с.
5. Гендер как инструмент познания и преобразования общества / под ред. Е. А. Баллаевой, О. А. Ворониной. М. : РООМЦГИ : Солтэкс, 2006. 304 с.
6. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М. : Едиториал УРСС, 2004. 331 с.
7. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : МАКС Пресс, 2008. 772 с.
8. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М. : НОРМА-ИНФРА, 2000. 400 с.
9. Доклад Экономического и социального совета ООН за 1997 г. URL: <http://www.un.org/russian/ecosoc/docs/1997resolutions/shtv> (дата обращения: 17.09.2009).
10. Жидков В. С. Культурная политика России. М. : Академический Проект, 2001. 591 с.
11. Зуев С. Отечественная культурная политика в поисках идентичности // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6. С. 11—18.
12. Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика в современной России: соотношение этнического и национального. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 240 с.
13. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М. : ИФРАН, 2000. 194 с.
14. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.
15. О федеральной целевой программе «Культура России (2006—2010 гг.)»: Постановление Правительства РФ от 08.12.2005 г. № 740. URL: <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution/08/12/2005/1/text/2857.html>
16. Проблемы гендерного равноправия в социально-трудовой сфере. М. : Бюро МОТ в Москве, 2001. Вып. 10. 46 с.
17. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология : новые подходы к институциональному и сетевому анализу / ред. и сост. В. В. Радаев. М. : РОССПЭН, 2002. С. 157—209.
18. Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005. № 4. URL: <http://www.culturalmanagement.ru/books/>
19. Ржаницина Л. С. Методология гендерного бюджета : (основные положения с учетом реформ управления в Российской Федерации) // О перераспределении полномочий по уровням власти : обсуждение проекта ЮНИФЕМ «Гендерные бюджеты в России» — 2005. URL: <http://www.owl.ru/rights/discussion2004/methodology.htm>
20. Роцин С. Ю., Мальцева И. О. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 296 с.

21. Ярская-Смирнова Е. Р. Демографическая ситуация: гендерный подход // Актуальные проблемы демографической политики / ред. П. В. Романов. Саратов : Научная книга, 2003. С. 56—61.
22. *Belfiore E.* The Methodological Challenge of Cross-National Research : Comparing Cultural Policy in Britain and Italy // Centre for Cultural Policy Studies. Research Papers. University of Warwick, 2004. № 8. 55 p.
23. *Hernes H. M.* Welfare State and Woman Power : Essays in State Feminism. Oxford : Norwegian University Press, 1987. (Scandinavian Library Ser.).
24. *Hobson B.* Solo Mothers, Social Policy Regimes and the Logics of Gender // Gendering Welfare States / D. Sainsbury (Ed.). London : Sage, 1994. P. 170—187.